

Гражданское право

УДК 347.661.2

ББК: 67.404.4

КОСТИНА Ольга Владимировна

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-8510-1182>

Костина Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Москва. E-mail: ovk145@mail.ru

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА ПРИ ПРИЗНАНИИ НАСЛЕДНИКА НЕДОСТОЙНЫМ

Аннотация

Предмет/тема. Предметом исследования являются общественные отношения, связанные с признанием наследника недостойным и проявлением процесса конвергенции частного и публичного права в исследуемом институте.

Цели/задачи. Целью исследования является комплексный анализ отдельных положений статьи 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

Методология. Методологическую основу исследования составляют: всеобщие методы познания; общенаучные методы, включающие в себя системный и логический метод, а также анализ, синтез и аналогию; частнонаучные методы, такие как метод сравнительного правоведения и формально-юридический метод.

Вывод. Недостатки законодательной техники по реализации института недостойных наследников являются следствием того, что правовая природа лишения права наследования на сегодняшний день недостаточно изучена, требует пристального внимания и детального рассмотрения. В свою очередь, накапливаемые в системе нормативных правовых актов пробелы по цепной реакции могут вывести проблему разбалансированности законодательства в отношении недостойных наследников на более сложный уровень, трансформируя дисбаланс, например, из внутриотраслевого в межотраслевой. Преодолением данной проблемы является применение процесса конвергенции, характеризующегося сближением, увеличением количества связей и степенью согласованности элементов в исследуемых общественных отношениях.

Ключевые слова: *конвергенция, частное право, публичное право, право наследования, недостойный наследник.*

JEL Classification: *K36*

Civil law

Olga V. Kostina, Associate Professor, Department of Civil Law of the Russian State University of Justice, PhD in Legal Sciences, Moscow. E-mail: ovk145@mail.ru

CONVERGENCE OF PRIVATE AND PUBLIC LAW IN THE CONTEXT

OF RECOGNITION OF UNWORTHY HEIR

Abstract

Subject/theme The article presents the social relations connected with the recognition the heir as unworthy and the manifestation of the process of convergence of private and public law in the area studied.

Goals/objectives The purpose of the study is a comprehensive analysis of certain provisions of Article 1117 of the Civil Code of the Russian Federation as well as the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.05.2012 № 9 "On judicial practice on inheritance".

Methodology Universal methods of knowledge; scientific methods, including systematic and logical method and also the analysis, synthesis and analogy; methods such as the method of comparative law and formal legal method have been employed within the study conducted.

Conclusion The shortcomings of the legal writing for the implementation of the institute of unworthy heirs are the result of the fact that the legal nature of the deprivation of the right of inheritance is not sufficiently studied today and requires close attention and detailed consideration. In turn, the gaps in the system of legal acts accumulate as a chain reaction and can bring the problem of imbalance of legislation against unworthy heirs to a more complex level, transforming the imbalance, for example, from intra-sectoral to inter-sectoral. The application of the convergence process, characterized by convergence, increasing the number of connections and the degree of coherence of the elements in social relations studied can be a solution for overcoming this problem.

Key words: *convergence, private law, public law, inheritance rights, unworthy heir.*

Исследуя вопросы конвергенции частного и публичного права в сфере отношений по поводу наследства следует отметить, что право быть наследником – неотъемлемый элемент правового статуса каждого гражданина. В данном контексте позиция Конституционного Суда Российской Федерации сводится к указанию на приоритетность регулирования прав гражданина в отношении конкретного наследства разделом V «Наследственное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации¹.

Одной из классических проблем частного права является разрешение наследственных дел, где сложность регулирования проистекает в основном из неоднородности наследственного права как такового. Ярким примером конвергенции (от лат. *Convergo* «сближаю») частного и публичного начал в наследственных правоотношениях является институт недостойных наследников, содержание которого раскрывается ст. 1117 ГК РФ. Среди положений, которые установлены законодателем в ряду случаев признания лица недостойным наследником дискуссионным до настоящего времени, остаётся аб. 1 п. 1 ст. 1117 ГК РФ.

В дореволюционном праве рассматриваемый институт не нашел отражения, хотя был предусмотрен Гражданским уложением, проект которого был подготовлен на рубеже XIX - XX вв., но не вступил в силу из-

¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ// Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

за смены государственной власти и революции. Впоследствии в 1922 году был принят Гражданский кодекс РСФСР, в котором институт недостойных наследников не упоминается. Однако на практике имели место случаи, когда наследник совершал в отношении наследодателя умышленные преступления, в том числе и с целью скорейшего получения наследства, которые нуждались в законодательном регулировании.

Пробел в правовом регулировании института был частично устранен судебной практикой. В частности, в Постановлении Верховного Суда РСФСР от 7 июня 1926 г. говорилось: «Исходя из сущности и основания права наследования, признать, что умышленное и наказуемое по УК убийство наследодателя лишает совершившего это убийство наследника права наследования в имуществе убитого» [1, с. 101].

В разрезе влияния публичных начал на частные (наследственные) отношения следует отметить такой нормативный акт как Декрет ВЦИК и СНК от 15 декабря 1922 г, которым ограничивались в правоспособности лица, находящиеся за границей и лишённые гражданства СССР. В отношении данной категории лиц, хотя и не совершавших противоправных действий в отношении наследодателя, государство устанавливало правило, по которому «право наследования является одним из тех прав гражданства, которые данными лицами теряются» [2, с. 956].

С принятием ГК РСФСР в 1964 г. указание Верховного Суда 1926 г. не только стало нормой закона, но и было существенно расширено. Так, согласно п.1 ст. 531 ГК РСФСР не имели права «наследовать ни по закону, ни по завещанию граждане, которые своими противозаконными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, способствовали призыванию их к наследованию, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке»¹.

Формулировка современной общей позиции в отношении исследуемой проблемы возможно путем анализа положений п. 1 ст. 1117 ГК РФ. Так, в соответствии с указанной нормой не наследуют «ни по закону, ни по завещанию граждане, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, способствовали либо пытались способствовать призыванию их самих или других лиц к наследованию либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке»².

Определяя значимые условия отстранения наследников от наследования, отраженные в указанной статье и разъяснениях Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

¹ Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Свод законов РСФСР. Т. 2. С. 7. Документ утратил силу с 1 января 2008 года в связи с принятием Федерального закона от 18.12.2006 № 231-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»¹ отметим, наиболее дискуссионные и подлежащие детальному рассмотрению.

Итак, деяние должно быть противоправным. Противоправность деяния вытекает из требования принципа законности. Противоправным в строгом смысле слова признается поведение, нарушающее предписания правовых норм. Но не всякое отступление от норм гражданского права противоправно. Оно становится таковым лишь при нарушении прямых запретов или императивных правил закона. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» содержится разъяснение, что противоправные действия, направленные против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, вследствие совершения которых граждане утрачивают право наследования по указанному основанию, могут заключаться, например, в подделке завещания, его уничтожении или хищении, понуждении наследодателя к составлению или отмене завещания, понуждении наследников к отказу от наследства.

В то же время уголовное законодательство, основаниями признания деяния уголовно-противоправным называет совокупность факторов:

а) общественная опасность данного деяния;

б) целесообразность уголовно-правового преследования за совершение того или иного деяния.

Противоправность выступает в качестве юридического свойства деяния. Так, совершенное деяние может быть признано преступлением, если оно предусмотрено в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Соотношение данных оснований противоправности допускает достаточно вескую возможность толкования п. 1 ст. 1117 ГК РФ в контексте противоправных действий, признанных и гражданским законодательством, и уголовным законом, что является подтверждением процесса конвергенции частных и публичных начал в институте недостойных наследников. Однако, следует обратить внимание что применение частно-правовых и публично-правовых оснований противоправности отражено позицией Пленума № 9 «О наследовании», где речь идет об институте частного права и норма п.1 ст. 1117 ГК РФ, по общему правилу, должна трактоваться именно с позиции частного права. Помимо этого следует обратить внимание на положения о том, что противоправные действия, направленные против наследодателя, кого-либо из его наследников могут быть реализованы в рамках последствий, предусмотренных гражданским законодательством, например, статьями 167, 179 ГК РФ и пр.

В то же время одним из центральных становится тот факт, что применение к институту недостойных наследников норм уголовного права выработана исторически. Причем, применение публичного права в данных отношениях первично, нежели применение норм частного права, стоит лишь обратиться к уже указанной выше трактовке Постановления Верховного Суда РСФСР от 7 июня 1926 года. Хотя, позже советские исследователи обращали внимание на отсутствие частно-правового регулирования в основаниях исследуемого института. Так, С.А. Джапаридзе предлагал лишать законного наследника права наследования не только в случае осуждения «за убийство или за покушение на жизнь

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

наследодателя», но и в случае, если «в пользу наследника сделано завещательное распоряжение в обход закона, а равно путем обмана наследодателя, насилия, угроз или злого умысла» [3, с. 27-28]. Несмотря на то, что такая трактовка позволяла все возможные последствия недолжного влияния на волю и волеизъявление наследодателя в наследственно-правовой сфере адекватно аннулировать, предложение С.А. Джапаридзе не было воспринято доктриной, и когда в ГК РСФСР 1964 г. была включена норма о гражданах, не имевших право наследовать (ст. 531), она не предусматривала возможности отстранения от наследования лиц, в пользу которых завещателем было составлено завещание под влиянием направленных против него или против осуществления его последней воли «противозаконных действий» [4].

В случае обращения к ранее действующему законодательству, а именно, ст. 531 ГК РСФСР, отметим, что данная норма определяла категорию граждан, не имеющих права наследовать достаточно «образно». Как следует из текста закона, характер соответствующих противозаконных действий законодателем не раскрывался. Здесь же следует акцентировать внимание на «однобокой» позиции официального толкования, отраженной в Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 23.04.1991 № 2¹. В п. 2 указанного Постановления речь шла исключительно о применении противоправности (противозаконности по Постановлению) с точки зрения уголовного закона. То есть, случаи, регулируемые гражданским законодательством, например, о недействительности сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или стечения тяжелых обстоятельств (ст. 58 ГК РСФСР) применяться не могли как основания признания наследников недостойными. Что следует признать пробелом в регулировании наследственных правоотношений, который, на сегодняшний день, восполнен посредством официального толкования ст. 1117 ГК РФ в Постановлении Пленума ВС № 9, где нашли отражения и частно-правовые основания признания наследника недостойным, но также сохранилось влияние и публичного права в исследуемые отношения, что в современных условиях толкования права является необходимым в целях эффективной реализации исследуемого института.

Во-первых, обратим внимание на такой критерий, как умышленность действий наследников в отношении наследодателя или других наследников.

В исследовании проблемы о наличии умысла, являющегося обязательным основанием для признания наследника недостойным, интересен следующий вопрос подлежащий рассмотрению.

При обращении к гражданскому законодательству, в основном проблема связана с доказыванием. Гражданское право по-особенному относится к умышленным нарушениям, в этой связи необходимо определить лицо, на котором лежит бремя доказывания умысла. По общему правилу свою невиновность или наличия обстоятельств непреодолимой силы доказывает ответчик, и этого ему достаточно, чтобы снять с себя ответственность. Однако в данном случае речь идет о возможности

¹Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 23.04.1991 № 2 (ред. от 25.10.1996). Документ утратил силу в связи с изданием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 15 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

наследовать имущество, как о составляющей содержания правоспособности (ст. 18 ГК РФ), а не просто взыскании убытков, которые ограничены определенным размером. По общему правилу умысел предполагает осознанность, контролируемость поведения нарушителя. Проблема заключается в том, на какие последствия направлен умысел лица, совершившего гражданское правонарушение. Подлежит доказыванию тот факт, что умысел направлен на призвание самого лица или других лиц к наследованию либо на увеличение причитающейся им или другим лицам доли наследства. И если бы речь шла о нарушении обязательств, то обращение к п.2 ст. 401 ГК РФ «Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство» имело бы смысл. Но, в исследуемом вопросе данная формулировка не может быть признана применимой и эффективной. В силу положений ст. 56 ГПК РФ, содержание которой следует рассматривать в контексте п. 3 ст. 123 Конституции РФ и ст. 12 ГПК РФ, закрепляющих принцип состязательности гражданского судопроизводства и принцип равноправия сторон, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Поэтому видится необходимость внесения соответствующих разъяснений в Постановление Пленума № 9, определяющих положение на ком лежит бремя доказывания умысла при признании наследника недостойным.

Безусловно, важной является позиция, высказанная П.В. Крашенинниковым, которая сводится к следующему. «В уголовном законодательстве содержатся два уголовно наказуемых деяния, которые действительно нуждаются в дополнительном обсуждении в аспекте признания наследника, совершившего их, недостойным:

- 1) убийство в состоянии аффекта, т.е. в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего (ст. 107 УК РФ);
- 2) убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ).

Оба названных преступления отнесены уголовным законодательством к категории умышленных убийств. Однако в обоих случаях действия виновного лица, хотя и являются, безусловно, противозаконными, были вызваны противоправными действиями самого потерпевшего. Более того, в ряде случаев противоправные действия потерпевшего-наследодателя, возможно, представляли непосредственную угрозу жизни самого наследника. В целях правильного формирования судебной практики вопрос о признании наследника, совершившего подобные действия, недостойным, по всей вероятности, должен решаться особо» [5, с. 42].

Действующий Уголовный кодекс РФ убийство, совершенное в состоянии аффекта, вызванного провокационным поведением потерпевшего выделяет как состав «привилегированного» вида убийства, «совершаемого при смягчающих ответственность обстоятельствах, имеет в своем основном составе признак, указывающий на особое психическое (душевное) состояние лица, которое в диспозиции ст. 107 УК РФ именуется

законодателем и как «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения», и как «состояние аффекта», что равносильно признанию этих понятий равноценными или тождественными» [6,с. 91].

Следует выделить позицию ученых, которые факт наличия аффекта независимо от причин, его вызвавших, определяют основанием к снижению ответственности. Так, М.Д. Шаргородский считал, что «требование провокации вряд ли является основательным... В состоянии аффекта человек не может полностью отвечать за свои поступки как за умышленные, просто в результате того состояния, в котором он находится, именно это должно явиться основанием для снижения меры наказания» [7,с. 214]. Другая точка зрения сводится к следующему: «Одного аффекта, то есть сильного душевного волнения, еще недостаточно для признания убийства привилегированным; требуется еще, чтобы была налицо провокация, то есть известные агрессивные действия со стороны потерпевшего. Эта провокация должна выражаться или в насилии, или в тяжком оскорблении со стороны потерпевшего...» [8,с. 25-26].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что совершение преступления в состоянии аффекта, а также совершение преступления при превышении пределов необходимой обороны, должны быть выделены в отдельную категорию дел при признании наследника недостойным. И именно поэтому, следует признать несостоятельным положение ст. 1117 ГК РФ, где обращение к понятию умысла носит обобщающий характер, не позволяющий выделить особенности применения уголовно-правовых и гражданско-правовых норм при признании наследника недостойным.

Следует согласиться с точкой зрения А.Г. Бабичева, «что важно во всех без исключения случаях по делам данной категории назначать и проводить судебную психологическую, а лучше – комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу, которая должна ответить на вопросы: о наличии или отсутствии у виновного в момент совершения убийства насколько возникший у него аффект «оправдан» и справедлив с позиции морали и права; о том, насколько он «обоснован» с позиции достаточности провоцирующего поведения потерпевшего как непосредственного повода («эмоционального сигнала»), вызвавшего это состояние»[6,с. 91]. В этой связи представляется необходимым включение указанного положения Пленумом Верховного Суда РФ в свое руководящее постановление.

В разрезе проводимого исследования представление о статье 6 УК РФ принимает особый смысл. Так, ч. 1 ст. 6 УК РФ определяет что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяются к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. По мнению Ахмедовой З.А и Х.Х. Раджабовой наличие института недостойных наследников в наследственном праве призвано поддержать гармоничное сочетание интересов собственника имущества с интересами членов семьи и общества в целом, соблюдение принципа социальной справедливости при регулировании отношений по наследованию. В этой связи следует отметить, что известные ученые-исследователи С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев относили принцип справедливости к принципу ответственности (наказание должно соответствовать тяжести преступления) [9, с. 88]. А.Н. Игнатов под данным принципом понимал соразмерность наказания совершенному деянию и личности виновного

[10, с. 12]. В свою очередь, Н.Ф. Кузнецова, принцип справедливости связывала, с одной стороны, со справедливым наказанием, т.е. воздаянием, как у древних римлян, а с другой стороны – со справедливым уголовным законом, уравнивающим всех перед ним [11, с. 75-77].

Определяя конечную цель сближения права частного и публичного, т.е. конвергенцию в регулировании института недостойных наследников необходимо определить насколько справедливым будет являться отбывание наказания, за совершение преступления в состоянии аффекта, либо при превышении пределов необходимой обороны в рамках уголовного права и плюс лишение возможности быть наследником в рамках гражданского законодательства одновременно.

Одним из главных недочетов законодателя в отношении абз. 1 п. 1 ст. 1117 ГК РФ является обращение к совершению лицом *противоправных действий*, т. е. активных действий направленных против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя. Однако, при регулировании данного института частного права невозможно не учесть позицию права публичного. Так, обращение к УК РФ позволяет однозначно характеризовать преступление как противоправное деяние, совершенное в активной форме (действие) или пассивной форме (бездействие).

В абзаце 1 п. 1 ст. 1117 ГК РФ говорится только о действиях, что не совсем оправдано с точки зрения юридической техники, тем более что на практике к призванию к наследованию или увеличению доли может привести и бездействие. В условиях действующего законодательства реализация аспекта применения бездействий как основания признания наследника недостойным, представляется затруднительным, что подтверждается обращениями даже в Конституционный суд Российской Федерации¹.

Наконец, в рамках проводимого исследования обратимся к соотношению положений п. 1 ст. 1117 ГК РФ и п. 19 Постановления Пленума № 9 в части лишения права наследовать только на основании судебного решения. То, что положение п. 19 Пленума дает такое право нотариусу, без каких-либо специальных уточнений, следует признать не соответствующим законодательству. Лишение наследственной правоспособности или права наследования по своей правовой природе является мерой правовой ответственности, применяемой к потенциальному или реальному наследнику. Так как признание наследника есть ограничение правоспособности лица, то следует применить ст. 1 ГК РФ, определяющую, что гражданские права могут быть ограничены только на основании федерального закона (который определяет признание на основании судебного решения). При этом, нельзя не отметить, что суд общей юрисдикции рассматривает и разрешает спорные гражданские дела, а нотариат защищает гражданские права и свободы путем удостоверения бесспорных фактов. Поэтому видится целесообразным не лишать права наследования автоматически, привлекая к данной категории дел институт нотариата (институт бесспорной юрисдикции), как это сегодня следует из

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2011 № 343-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Зисман Ангелины Александровны на нарушение ее конституционных прав статьей 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

п. 19 Постановления Пленума №9, а ставить вопрос о лишении права наследовать исключительно на усмотрение суда. «Юрисдикционная деятельность, направленная на установление состава правонарушения, назначение меры юридической ответственности и ее реализации, требует особой процессуальной формы. Материальное право... имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы... Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни. Процессуальная форма (юрисдикционный процесс) является способом реализации норм материального права, предусматривающих юридическую ответственность, гарантией достижения объективной истины в процессе назначения меры юридической ответственности как явления субъективного права» [12].

Во-вторых, важен и тот аспект, что наиболее полной реализации принципа социальной справедливости при признании наследника недостойным способствует судебное разбирательство каждого конкретного случая. При этом «на дальний план должны быть отодвинуты любые «шаблоны» при рассмотрении наследственных дел. Ведь защита нарушенных или оспариваемых прав, в каждом конкретном случае способствует укреплению законности и правопорядка, а конечном счете социальной справедливости» [13].

Профессор Н.В. Витрук отмечал, что одним из принципов юридической ответственности является «недопустимость привлечения к юридической ответственности дважды (повторно) за одно и то же правонарушение (nonbisinidem). Данный принцип не получил надлежащей разработки в отечественной науке. В одних случаях говорится о недопустимости двойной юридической ответственности, в других – наказания за одно и то же правонарушение. Это ясно применительно к конкретному виду юридической ответственности и наказания (гражданско-правовой, дисциплинарной, административной, уголовной). Запрет двойного наказания за одно и то же преступление давно признан принципом права и нашел закрепление в международно-правовых документах. Однако нет четкого ответа на вопрос, может ли правонарушитель за одно и то же правонарушение нести разнохарактерные виды юридической ответственности в их сочетании (например, гражданско-правовую в сочетании с одним из карательных видов ответственности – дисциплинарной, административной, уголовной)» [12]. Поэтому данный вопрос при признании наследника недостойным является дискуссионным и требует специального исследования. Отметим лишь, что «Конституция РФ и текущее законодательство, практика их реализации свидетельствуют, что карательно-штрафные виды юридической ответственности (дисциплинарная, административная и уголовная) за общественно опасные правонарушения зачастую дополняются восстановительно-компенсационной ответственностью, направленной на восстановление правового статуса потерпевшего, на возмещение причиненного ему имущественного и морального вреда или их компенсацию. Такое применение различных видов юридической ответственности не противоречит требованиям принципа nonbisinidem» [12]. Полагаем, такой подход является проявлением конвергенции частного и публичного начала в исследуемом институте.

В связи с вышесказанным, хочется обратиться к высказыванию проф. Н.М. Коршунова, определяющему конвергенцию как специфическое

правовое явление, которое не раскрывает юридической сущности категории, обозначает сектор ее поиска. В рамках сближения происходит «взаимобогащение, взаимопроникновение права в различных ареалах, когда соединяются в единые правовые образования, в целостные юридические конструкции преимущества и достижения различных сфер права и различных правовых систем» [14, с. 23].

Подводя итог исследованию, следует признать, что недочеты законодательной техники являются следствием недостаточной изученности, что в дальнейшем требует пристального внимания и детального рассмотрения правовой природы лишения права наследования. В свою очередь, накапливаемые в системе нормативных правовых актов пробелы по цепной реакции могут вывести проблему разбалансированности законодательства в отношении недостойных наследников на более сложный уровень, трансформируя дисбаланс, например, из внутриотраслевого в межотраслевой.

Список источников:

1. Постановление Верховного Суда РСФСР от 7 июня 1926 г. «Убийца лишается права наследования имущества убитого им наследодателя» // Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР. 4-е изд. М.: Советское законодательство, 1935.

2. Разъяснения III Отдела НКЮ НКВД № 521 от 11 апреля 1924 г. // Гражданский кодекс 1922 г. с постатейно-систематизированными материалами. 3-е изд. М., 1928.

3. Джапаридзе С.А. Наследование по закону в советском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тбилиси, 1953.

4. Шиловост О.Ю. Ни по закону, ни по завещанию... (к вопросу о толковании абзаца 1 п. 1 ст. 1117 Гражданского кодекса РФ // Цивилист. 2006. № 1.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу V: «Наследственное право» / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013. 264 с.

6. Бабичев А.Г. Уголовное законодательство об ответственности за убийство в состоянии «оправданного» аффекта: системная характеристика и критический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 2. С. 91-100.

7. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. 511 с.

8. Жижиленко А. А. Преступления против личности. М., 1927. 236 с.

9. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права М., 1988 176с.

10. Игнатов А.Н. Уголовное право: понятие, предмет, система // Уголовное право России: в 2 т. Т.1: Общая часть М., 1999. 639 с.

11. Кузнецова Н.Ф. Принципы уголовного законодательства // Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Т.1: Учение о преступлении. М.: Зерцало, 1999. 592 с.

12. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., исправленное и доп. М.: НОРМА, 2009. 432 с.

13. Иванова С.А. Реализация принципа социальной справедливости в наследственных правоотношениях // Российский судья. 2005 № 3.

14. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики: Монография / Н.М. Коршунов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 240 с.

References:

Japaridze (1953) - Japaridze, S. A., hereditary Succession in the Soviet civil law: Avtoref. dis. ... candidate lawyer.sciences'. Tbilisi, 1953.

Babichev (2014) - Babichev A. G. Criminal law on responsibility for murder in the state of " justified " affect: system characteristics and critical analysis // Bulletin of Economics, law and sociology.2014. № 2. p. 91-100.

Shilokhvos (2006) - Shilokhvos O. Yu. Neither by law nor by will... (the question of the interpretation of paragraph 1 of clause 1 of article 1117 of the Civil code of the Russian Federation // Tsivilist. 2006. No. 1.

Shargorodsky (1947) - Shargorodsky M. D. Crimes against life and health.M., 1947.511 p.

Zhizhilenko (1927) - Zhizhilenko A. A. crimes against the person.M., 1927.236 p.

Civil code of the Russian Federation. Commentary to section V: inheritance law / Under the editorship of P. V. Krashennnikov. M.: Statute, 2013. 264 p.

Kelina, Kudryavtsev – 1988. Kelina S. G., Kudryavtsev V. N. Principles of Soviet criminal law M., 1988 176 p.

Ignatov (1999) - Ignatov A. N. Criminal law: concept, subject, system // Criminal law of Russia: 2 Vol. 1: General part M, 1999. 639 p.

Kuznetsova (1999) - Kuznetsova N. F. Principles of criminal law // course of criminal law. General part: textbook for universities. Vol. 1: the Doctrine of crime. M.: Zercalo, 1999. 592 p.

Vitruk (2009) - Vitruk N. B. General theory of legal liability. 2nd ed., corrected and additional M: NORM, 2009. 432 p.

Ivanov (2005)- Ivanov S. A. The implementation of the principle of social justice in the hereditary legal relationship // the Russian judge. 2005 № 3.

Korshunov (2015) - Korshunov N. M. Convergence of Private and Public Law: Problems of Theory and Practice: Monograph. M: Norma: INFRA-M, 2015. 240с.